

**АНДРЕЙ
ДАШКОВ**

**ВСЕ ПИСАТЕЛИ
ПОПАДАЮТ В АД**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Андрей Георгиевич Дашков
Дракон
Серия «Суперанимал», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138851

Аннотация

...Мир после катастрофы. Станный, страшный и – увлекательный. Каким он может быть?

Оледеневший пустыней, в которой вынуждены выживать три расы – мутировавшие суперанималы-воины и ментаты-экстрасенсы и их новые рабы – обычные люди?

Замкнутым металлическим Лабиринтом-муравейником, которым правит таинственный и всемогущий Человек-бог?..

Безграничным океаном, где люди управляют стаями китов-косаток и белых акул – и где идет вечная, бесконечная война между народами «плавучего острова» и «подводного города»?..

Каким он может быть?

Содержание

Пролог	4
1. Кен	5
2. Мать	8
3. Предостережение	10
4. Вторжение	13
5. Белый призрак	15
6. Враг	16
7. Опоздавший	18
8. Накса	20
9. Курица	22
10. Z-11	25
11. Мачеха	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Дашков

Дракон

Пролог

Ему приснился зловещий сон, и, проснувшись, он сразу же отправился к могиле, которая позвала его. Он не мог бы сказать точно – зачем. Вероятно, для того, чтобы получить еще одно знамение. И потому, что убедился: нельзя пренебрегать сигналами ОТТУДА. В данном случае это был сигнал тревоги.

Если постараться, то у тени появится лицо – чужое или нет, на мгновение или надолго. Но он слишком хорошо знал, как редко враг надевает настоящие лица...

Теперь Кен стоял возле могилы того, кого считал своим учителем. Мертвец, лежавший здесь, научил его самому главному – трудному искусству выживания. В каком-то смысле мертвец был вторым отцом Кена. Один отец, которого Кен даже не помнил, дал ему жизнь; другой помог ее сохранить.

И состоится дуэль – но еще не сегодня и не завтра. Появится некто – супер, который возьмет у Кена эту жизнь, когда настанет час уходить, и примет в ужасное наследство то, чему нет названия.

Итак, в его сознании уже сформировался образ мистического триумvirата, без которого путь суперанимала теряет преемственность и смысл и превращается в жалкое блуждание вслепую. Каждому была отведена единственно нужная роль. И лучше не вмешиваться в этот порядок, в эти циклы, сцепляющие поколения, – иначе хаос неуправляемой, необузданной дикости сметет хилые стены запретов, продиктованных целесообразностью, которая понятна лишь единицам. Хаос хлынет из врат внутренней преисподней и захлестнет всех тех, кто мнил себя уцелевшим.

Недаром священники-суггесторы твердили о кощунственных Триадах суперанималов – антиподах «Отца, Сына и Святого Духа». О том, как на протяжении жизни суперасpires пройти все три стадии – от физического совершенства до абсолютного контроля над сознанием, – чем оскорбляют абстрактные «небеса». Извращения духа приводили к чудовищным изменениям плоти – о да, этого нельзя было не признать! Только слепой или самоубийца мог закрывать глаза на подобные «побочные эффекты»...

Кен давно знал о (сыне? наследнике?)... о Третьем. Он понял, что в момент смерти осуществляется ПЕРЕДАЧА, намного раньше, чем большинство его сверстников. Это не отравило ему юность и всю последующую жизнь. У него не было юности, как в окружающем мире не было весны. А невинное детство Кена закончилось в четырехлетнем возрасте – в ту минуту, когда он впервые самостоятельно проник на второй уровень, в измерение Теней. Затем была потусторонняя схватка, сомнамбула с похищенной душой и убийство. Внутри вызревало семя Каина – черное, неистребимое, леденившее нутро, неумирающее, прорастающее снова и снова...

Не так много лет прошло, а кажется, что все самое худшее уже позади. Значит, счастливчик?

Пожалуй.

Особенно если сравнивать с мертвецами.

1. Кен

Могила не изменилась и оставалась неоскверненной. То есть снег и лед по-разному декорировали ее и окружающий ландшафт, скрадывая очертания гигантского упавшего с неба креста, но для Кена существовал только костяк реальности – скелет, поверх которого болталась и увядала недолговечная фальшивая маска. Он научился сдирать ее. Иногда это было больно, очень больно, но в безнадежном противоборстве с вечностью поневоле становишься безжалостным – прежде всего к самому себе.

Лили, женщина Кена и мать двоих его детей, тоже освоила эту жестокую и печальную науку, однако не до конца. Например, она боялась приходить к бомбардировщику, который был металлической могилой, и не хотела видеть замерзший труп Локи – значит, боялась воспоминаний и в конечном счете боялась СЕБЯ...

Он прощал ей эту маленькую слабость, потому что она была суггестором, сумевшим преодолеть многие пороки своей незавидной породы. Она дорого заплатила за это. И платит до сих пор. Следы всего пережитого уже обозначились на ее лице и теле – ежечасные взносы в копилку неумолимой старости. А ведь ей было только тридцать пять... Он готов был простить ей гораздо больше после того, как проникал в ее сны.

Их связь с самого начала приобрела в сознании мамочки Лили оттенок инцеста и уже останется таковой до конца ее дней. Именно ЕЕ дней – она старше и умрет раньше него. Он знал это абсолютно точно. Он еще помнил сказки, которые она сочиняла для детей Пещеры, сказки со счастливым концом: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день...» Так вот, ничего этого не будет. «Долго»! Что значит «долго» в мире, где агония порой затягивается на десятилетия? И еще один хороший вопрос: что может означать в таком мире счастье?

Кен не искал ответов. Он никогда не впускал маленьких палачей-садивов в свой мозг. Им приходилось забавляться с другими – с теми, кто не умел противодействовать постоянному давлению небытия: тиски отчаяния, медленное удушье в атмосфере безысходности, сжатие сознания в точку...

Он понимал смысл старого слова «инцест». Но даже если бы Лили была его НАСТОЯЩЕЙ матерью, это вряд ли что-то изменило бы. Разница в возрасте ничего не значила. Вначале девушка воспитывала мальчика и ухаживала за ним, однако где-то на рубеже его пятилетия они начали постепенно меняться местами. Особенно ярко это проявилось после прихода Мортимера, Отмеряющего Смерть.

Оказалось, Кен мог кое-что предложить ей и другим обитателям Пещеры. Например, защиту. К тому моменту Лео умер, а Рой превратился в битую карту. Дитя превзошло взрослых. Кен не собирался сдаваться. Он черпал откуда-то силу жизни, без которой близкие не протянули бы и дня. С некоторых пор он чувствовал себя (своим?) как дома там, куда Лили опасалась заглядывать. Он без трепета владел тем, к чему она боялась даже прикоснуться. В общем, он доминировал в их союзе. И стал ее единственной опорой после того, как умер дядя Рой.

* * *

Жизнь сводилась к очень простым и беспощадным вещам. Но источник тайн не пересох. Кена снова позвала могила. Прежде такое случалось лишь дважды, и всякий раз это означало приближение смертельной угрозы. А после преодоления он узнавал нечто новое – о себе, о мире и о том, на что способен суперанимал в условиях крайней опасности.

Хотелось ли ему исчерпать генетический потенциал и достичь предела своих возможностей? Нет. Он понимал, что для него это будет означать завершение пути. Его наследник начнет отсчет с того уровня, на котором Кен остановится. Поэтому не было ничего другого, кроме обреченной на поражение борьбы с собственным непостижимым будущим. Программа действовала, несмотря ни на что.

* * *

Кен потратил какое-то время, вырубая ступени в ледяных челюстях, которые держали бомбардировщик мертвой хваткой. И эту работу он делал не впервые – раз за разом ее уничтожала неизлечимо больная природа. Жернова бурь стирали и перемалывали все, что человеческая слабость могла принести им в жертву. Но саму могилу Локи Кен сохранял в неприкосновенности.

Когда-то ему стоило огромного труда уговорить Лили отвести его на это место. Вообще-то он нашел бы логово хищника и без нее – к тому времени у него уже достаточно развилась специфическая способность обнаруживать СЛЕДЫ суперанималов. Но Кену хотелось, чтобы она тоже прикоснулась к Силе, впустила ее в себя, позволила Силе действовать, изменяя человеческую сущность...

Он был еще мальчишкой, а она не была супером. В результате испытание оказалось слишком трудным. Сила едва не искалечила ее. Вероятно, не все в порядке было и с ее рассудком – после всего, что она пережила. Но где стандарт, с которым Кен мог бы сверить ее состояние? Он и сам всю сознательную жизнь ощущал себя не вполне нормальным. Миты, которые окружали его, не позволяли ему забыть об этом с тех пор, как он перестал пачкать пеленки...

Пока он рубил лед, пара полярных волков держалась поодаль от хозяина. Огромного самца он называл Роем, а самку – Барби. Возможно, у Кена было извращенное чувство благодарности. Во всяком случае, он знал, что эти двое при необходимости отдадут за него свои жизни.

С таким прикрытием можно было никого не опасаться. Вернее, ПОЧТИ никого. А он уже ощутил скрытую угрозу, против которой бессильны все волки мира. Да и супера тоже, если на то пошло...

Наконец Кен добрался до кабины. Несколько лет назад он накрыл ее металлическими листами, закрепив их болтами. Получилось что-то вроде грубого, но надежного саркофага. Внутри все осталось почти таким же, каким было в день смерти Локи и Барбары. Кен не трогал и сами трупы; скованные морозом, они хорошо сохранились и представляли собой неотъемлемую часть финальной сцены. По крайней мере одно, самое значительное мгновение той жуткой драмы, разыгравшейся в вечном мраке, было остановлено и длилось, и длилось, и длилось...

Когда-то для Кена стал настоящим потрясением этот стоп-кадр, будто украденный из чужой памяти. И кое-что было действительно позаимствовано у насмерть перепуганного существа. Точнее – у мамочки Лили, долго приходившей в себя... Кен преодолел панический ужас, вселенный в митов (Бабаем? чудовищем?) Локи, и проникся глубоким уважением к тому, кто учил его даже после своей смерти.

В частности, Локи избавил Кена от чувства вины, которым тот терзался, оказавшись невольной причиной смерти Барби. И однажды молодой супер узнал, что митов иногда убивают из сострадания...

А вот Мортимера Кен презирал. И даже не считал могилой заброшенное место, где валялись останки мертвеца. Оно годилось разве что для того, чтобы прийти и помочиться на труп врага. Но Кен не был склонен к дешевым жестам. Справить нужду, оскверняя память

умерших, – на это были способны худшие из суггесторов. Некоторые суперанималы – например, Мортимер – предпочитали проделывать это с живыми. Но теперь на ледяное надгробие Морти мочились волки Кена.

...Он отвинчивал гайки голыми пальцами так же легко, как делал бы это гаечным ключом. Его кожа не примерзала к металлу, покрытому загадочными идеограммами инея, а ногти все больше напоминали твердые изогнутые когти.

Надо было сильно постараться, чтобы сломать их. Отрастая, они причиняли ему немалые неудобства. Можно было затупить их, царапая по бетону, но обычно Кен укорачивал когти точными ударами охотничьего ножа.

Он удивился бы, если бы узнал, носителем чьей наследственности он является. И если бы вообще не потерял заодно с детской чувствительностью способность удивляться.

2. Мать

Лили смотрела на играющих детей Кена. В последнее время она так и думала: не «мои дети», а «дети Кена». Она все чаще чувствовала себя лишней. Непременными спутниками этого чувства были опустошенность и тоска.

Дети играли молча, не замечая ее присутствия. Но и не мешали ей думать. Странная игра для трех-четырёхлетних малышей – по любым меркам. Ох, эти двое... В каком-то смысле они УЖЕ были самодостаточны. Они не нуждались в ней. Отец и волки приносили им еду. Ее дети не испытывали потребности даже в материнских ласках. Не говоря уже о сказках, которые она когда-то сочиняла, чтобы убить нестерпимые часы ожидания возле костра.

Она помнила прошлое. Чужие дети спокойно засыпали под звук ее голоса. Эти двое спокойно засыпали только тогда, когда Кен был рядом. И кто знает, какие СКАЗКИ «нашептывал» им в темноте его жутковатый мозг? В том, что такого рода связь существует, она убеждалась не раз...

Можно ли в это вмешаться или хоть что-нибудь исправить? Да и НУЖНО ли вмешиваться? Она не знала. Она была слабой женщиной, потерявшей способность мечтать и фантазировать. Что-то ушло безвозвратно, а что-то умерло внутри нее. Возможно, это была ее собственная юность, тихое убежище, которое она незаметно покинула, и теперь уже не отыскать дорогу назад. Остались воспоминания, но они похожи на чучела: ни запаха, ни движения, ни живого дыхания...

А между тем многое повторялось: одни и те же страницы мелькали в книге жизни; каждые сутки она перелистывала одну, затем следующую. Время летело. Иногда становились уже неразличимыми отдельные события, запечатленные на этих страницах; многое было смазано или писано кровью... Лили теряла себя; оставалось только это завораживающее и пугающее белое мелькание. Как снег. Как буря. Как исчезающие на морозе облачка дыхания... Она листала свои дни. Чем дальше, тем быстрее.

Она не хотела стареть. Однако кое-что поняла: старение начинается с мозга. Потом приходит все остальное: ломота в костях, тяжесть в ногах, негнущаяся поясница, боли, морщины, отмирание тканей, слепота...

Лили вздрогнула. О чем она думала, прежде чем позволила себе раскиснуть? Ах да, о том, что многое повторяется, но с небольшими изменениями – и почему-то всегда к худшему. Взять, например, сегодняшний вечер. Все это когда-то уже было: костер, играющий ребенок и она в роли матери. Правда, теперь детей двое, зато она – по-прежнему только В РОЛИ матери. И не важно, что она выносила и родила в муках этих двоих (огромных полуметровых младенцев, покрытых золотистым пушком). Не важно, что она вскормила их своим молоком, – они не принадлежали ей. Они принадлежали Кену и пугающему неведомому будущему, в котором Лили просто нет места. Она чужая, пережиток прошлого, использованное орудие. Самка, сделавшая все, что от нее требовалось...

Ей было горько. Так горько, что она с трудом сдерживала слезы.

Лили вдруг поймала себя на том, что даже не может заплакать в их присутствии – чтобы не обнаруживать лишней раз свою слабость.

Кеша (тот, маленький, еще не изменившийся непоправимо Кеша!) почувствовал бы ее боль на расстоянии. Подбежал бы, прижался бы, попытался бы утешить. Эти двое – беспощадны. Боль для них – всего лишь стимул к развитию. И Кен стал таким же. Боль сигнализирует об ошибке. Боль – плеть, возвращающая на путь истинный или заставляющая идти вперед. Может быть, туда, где боли не существует вообще.

Путь суперанималов, будь он проклят!..

Она справилась с собой и не разрыдалась.

Итак, что же было еще в тот далекий вечер? Книга и засушенный цветок. Цветок уже рассыпался в пыль, а книга... Кен презирал любые фетиши. Лили и сама понимала: бессмысленно цепляться за то, что можно уничтожить. Этим обрекаешь себя на сожаления и новые страдания. И все-таки она не хотела расставаться с прекрасным прошлым, в котором любовь, нежность, добро и надежда не были пустым звуком.

Она честно сопротивлялась. По крайней мере, ей нельзя было отказать в терпении. Кое-что помогало держаться. У Лили было свое «лекарство». Например, книга была «доброй» вещью из «хороших» времен – Лили брала ее в руки, когда чувствовала прилив сил и веры. Но это случалось все реже.

А для другого настроения у нее был еще один талисман. Когда становилось невыносимо плохо, она прибегала к верному, многократно проверенному средству. Тихая Фрида – жестокая советчица. Циничная подруга, не щадившая ее слабостей и последних сопливых иллюзий...

Лили с содроганием думала о том, что будет, если снова придется пустить в ход нож. Лишь бы не сойти с ума и не убить своих детей. Убить Кена она уже не сумеет – даже во сне. Он давно превзошел Локи в искусстве защиты.

А себя? Сможет ли она убить себя? Ведь это очень просто сделать, особенно в ТАКОЙ вечер. Беспросветный в любом смысле слова. И одинокий, несмотря на то, что ее дети – плоть от плоти – играют друг с другом совсем рядом. И Кен далеко. Тоже играет со своими призраками в опасные игры, которых она не понимала и не хотела понимать. Так кто же из них сумасшедший? Она не взялась бы утверждать что-либо с полной определенностью...

Но в этот раз Лили не успела извлечь из кожаных ножен Тихую Фриду, чтобы ощутить биение мистического сердца и испытать, насколько далеко можно зайти, поддаваясь искушению самоубийством.

Снаружи завывали волки, которым Кен приказал охранять Пещеру. Лили, конечно, не могла сравниться со своими детьми, которые свободно РАЗГОВАРИВАЛИ и играли с волками, но все-таки она научилась различать тональности и отдельные голоса. Ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы понять: подобного воя она не слышала никогда прежде.

Кто-то приближался.

Не Кен.

Чужой.

Она знала, что только супер может пересечь ледяную пустыню. Или суггестор – если очень сильно повезет. Но суггесторов волки молча разрывали на куски.

Новая беда.

Все повторялось. Жизнь – замкнутый круг; мир – заезженная пластинка.

Опять война.

Хватит ли у нее сил, чтобы пережить неизбежные потери?

3. Предостережение

Когда Кен вскрыл «саркофаг», ему показалось, что в кабине происходит какое-то движение. Но это была всего лишь мимолетная игра света и тени. Для его глаз света вполне хватало...

Он увидел то же самое, что видела когда-то мамочка Лили, прежде чем сбежала отсюда, унося ребенка и книгу. В восприятии мита здесь все было пропитано ужасом, но стоило развести его липкую пелену, как открывалась совершенно другая картина, а пребывание в мертвой голове ангела смерти приобретало смысл, доступный далеко не каждому.

Кену даже не надо было сосредоточиваться. Слишком давно он был настроен на волну Локи. Тот посылал ему сигналы, словно исчезнувшая звезда, свет от которой все еще доходит до далекой Земли спустя годы...

Но тут была также Барбара. О, сколько страданий когда-то причинила она мальчику! Невольная убийца, она и его заставила до дна испить чашу вины. Одно время он даже был близок к самоубийству. И спасся, придя сюда. Приглашение он получил, естественно, во сне.

Он поговорил с (настоящей) мертвой Барбарой, и та простила его. А затем потусторонний смех Локи и вовсе избавил его от капкана ложного греха, в котором лежала приманка искупления, – то, на что ловились обычно поклонники распятого агнца. Ловились вот уже больше двух тысячелетий...

В день своего очередного возрождения Кен совершил полет вместе с ангелом, услышал, как грохочет адская колесница войны, увидел гибель миллионов, постиг тщету человеческой жизни – и обрел силу жить дальше.

* * *

...Сейчас он присел возле трупа Барбары и погладил ее по смерзшимся волосам. Они с тихим хрустом обламывались под его ладонью... Ему не довелось видеть восковые фигуры, зато он вдоволь насмотрелся на окоченевших мертвецов. Его пальцы прикоснулись к твердым губам, к ледяным линзам глаз...

Что осталось от роскошной плоти? И где теперь то, что было микроскопической квинт-эссенцией жизни?... Иногда Кену хотелось разбить изваяние, чтобы добраться до матки. Плод не успел сформироваться. В лучшем случае осталась оплодотворенная яйцеклетка.

Кукла. Только сломанная кукла...

Он мог бы сейчас выйти на второй уровень и отыскать Тень Барбары среди прочих Теней. Но почему-то не сделал этого.

Он подошел к Локи, который не выполнил своего предназначения. Для Кена не существовало лучшего напоминания о необходимости продолжать путь. Казалось бы, так ли уж важно, сколько ступеней ты успеешь преодолеть за отпущенный тебе краткий срок, карабкаясь вверх по бесконечной лестнице? Но это сразу становится важным, когда вдруг узнаешь, что лестница непрерывно ползет ВНИЗ. Чертов эскалатор не останавливается ни на секунду, и преисподняя – всего лишь один из относительно доступных этажей. Не самый последний и не самый худший. Есть и такие, по сравнению с которыми ад покажется санаторием.

Кен знал кое-что о санаториях благодаря дедушке Лео. В его представлении это были места скопления слабых и больных митов. Хуже, чем мясная ферма суперанимала. Полная бессмыслица.

Да, в том, теперь уже разрушенном мире было полно нелепостей и многое казалось перевернутым с ног на голову...

Кен вошел в неглубокий транс и попытался установить контакт с Тенью Локи. Странно, но того не было в пределах досягаемости. Кен пробовал снова и снова («Зачем ты позвал меня?»). Тщетно. А ведь (убийцу) наследника не призывают просто так...

Локи не появлялся. Значит, происходило что-то исключительное. Даже Тени иногда ИСЧЕЗАЛИ...

Кен зацепил ближайшую, чтобы узнать хоть что-нибудь. По какому-то чудесному стечению обстоятельств (но Кен знал абсолютно точно, что чудес не бывает!) это оказался Лео. И Лео, рискуя существованием на своем уровне реальности, предупреждал: «Беги! Беги!! Беги!!!»...

Его беззвучный «воплъ» мог свести с ума. Заработал чудовищный проекционный аппарат, и кино немислимых кошмаров закрутилось для одного-единственного зрителя...

Кен мгновенно «вернулся». Ему не надо было повторять дважды. Некоторые вещи слишком многозначительны. Он сразу же вспомнил недавний сон. Круг замкнулся: от невнятной тревоги к более чем понятному предостережению.

Он по-своему отблагодарил мертвецов. Его «общение» с ними было лишено какой-либо экзальтации. Он не обращал внимания на мистические бредни митов. Он никому не позволил бы сделать из себя дурака.

Но были странные игры, которые он устраивал сам для развития сверхспособностей. Например, возвращение в прошлое. Пусть ненадолго – только на секунду или две, – зато все чаще ему удавалось застать ЕЩЕ ЖИВОГО Локи. Или Роя. Или Лео. Или существ, чьих имен он не знал, но от которых он перенимал все, что помогало выжить ему самому.

Однажды он заглянул в тот мир, который существовал до войны. По сравнению с выхолощенными рассказами Лео разница была огромной. При этом Кен не похищал чужих воспоминаний и не грезил наяву, окруженный призрачным экипажем бомбардировщика. Нет, это было совсем другое...

В любом случае увиденное ошеломило его. Кратких мгновений хватило, чтобы ощутить свою непередаваемую отчужденность от миллионов «собратьев». Тогда он впервые почувствовал себя изгоем, пережил нечто совершенно новое: он понял, что можно быть изгнанным, изолированным, обреченным не только в пространстве, но и во времени. Будто некий безжалостный судья приговорил его к пожизненному прозябанию в одной-единственной камере, а между тем тюремный коридор тянулся сквозь столетия. Сквозь упадок и крах – к эпохе расцвета.

И Кен решил, что когда-нибудь хотя бы ПРОГУЛЯЕТСЯ по этому коридору. Еще лучше – совершит побег из тюрьмы. Окончательное освобождение – разве не единственная стоящая цель? Если только Программа не реализуется в его детях. В таком случае он, конечно, не будет становиться у них на пути.

И была еще абсолютно непознанная и простиравшаяся в бесконечность территория будущего. Вспышки видений порой доносили до него информацию ОТТУДА – как, например, тогда, когда он заранее узнал о приближении Локи или Мортимера, – однако все это были отрывочные кадры, которые не давали представления о сути происходящего и разрушали постепенно мутный кристалл детского восприятия. Молнии испепеляли душу ужасом, а озарения превращались в миражи...

Кен вовремя понял, что прежде всего он сам должен измениться. Он упорно работал над собой, продвигаясь вслепую, наугад, – в этом деле у него не было ни советчиков, ни учителей. Никто не проложил тропу и не обозначил хотя бы приблизительных ориентиров. Что касалось игр со временем, то тут молчали все: и реанимированные супера, и Тень супрамента Карлоса, принявшего ужасную смерть.

Кен интуитивно чувствовал, что получил в наследство опасную игрушку – опасную даже для самого обладателя. И от нее не избавишься; она стала продолжением его мозга.

Неудивительно, что иногда он совершал ошибки. Это ввергало его в поистине кошмарные ситуации.

Например, как-то раз он попытался узнать, кем были его родители, но, преодолевая лакуну во времени размером в четыре года, он оказался в утробе матери. Естественно, он лишился сознания и потерял контроль. Вполне вероятно, что он там и остался бы – навеки бессознательный плод, запечатавший сам себя в живом гробу, – если бы чья-то Тень не выдернула его оттуда.

(Почему? Зачем? Он-то знал, что ничего не делается просто так.

Мысль о таинственном спасителе с тех пор не оставляла его надолго и служила сильнейшим раздражителем.)

Это было явное поражение. И урок. Он отступил, чтобы затем предпринять новую попытку. Так он и продвигался: два шага вперед, шаг назад. Иногда ему казалось, что он годами топчется на месте, загубив драгоценный дар, или ходит по кругу – а в центре круга находится нечто, к чему лучше вообще не прикасаться, если не хочешь потерять рассудок.

Но он подавлял в себе малейшие проявления малодушия. И экспериментировал снова и снова, пока дар не начинал казаться проклятием. Вполне возможно, что так оно и было. Однако для Кена не существовало ни «подарков», ни «проклятий». Смысл имела только Программа, которую он обязан был воплотить, чтобы не превратиться в жалкое подобие супера. В мита. В одну из бесполезных жертв, приносимых на бесцельном пути блуждавшей в потемках цивилизации.

4. Вторжение

Готовясь к обороне, миты действовали четко. Арбалетчики занимали позиции; другие тем временем забаррикадировали вход в Пещеру.

«Кен неплохо их выдрессировал, – цинично подумала Лили. – Не хуже, чем волков. Хотя почему ИХ? Он выдрессировал НАС. И будем честными до конца: только благодаря этой дрессировке мы выжили после всего, что натворил ублюдок Морти...»

Она сидела в каком-то ступоре, будто знала заранее, чем грозит появление нового «гостя». Выбор невелик: либо Кен успеет вернуться, либо им никто не поможет...

Внезапно она увидела, что явилось истинной причиной переполоха. Вой был только зловещим аккомпанементом. Перед тем как вход был закрыт, в Пещеру приковылял волк с оторванной лапой, истекавший кровью.

Лапа была не перекушена, а именно ОТОРВАНА. Небольшой спецэффект в стиле Мортимера, но даже у Отмеряющего Смерть не хватило бы физической силы для этого.

Митам было послано недвусмысленное сообщение. На Лили кровавое зрелище тоже подействовало отрезвляюще. Она очнулась, вскочила и сделала то, что велел делать Кен в случае опасности. Она быстро одела детей и увела их подальше от входа в укрытие. В глубине Пещеры была бетонная вентилируемая кишка. Прочная металлическая дверь. Надежный засов; запас воды и пищи на неделю. Правда, никто не задумывался всерьез, что будет после того, как эта неделя истечет...

Тут уже собирались другие мамы со своими чадами. Она стояла среди этих людей, потевших от страха, и пыталась вспомнить, когда прервалась ее живая связь с ними, когда она стала чужой в родном жилище... Или это они первые оттолкнули ее? Еще бы: она была женщиной (демона, высшего существа) спасителя. И посмотрите-ка, кого она родила! Здоровые и красивые (выродки) детишки; только почему они покрыты шерстью с ног до головы?..

Она замечала, что даже сейчас, в вынужденной тесноте, все невольно стараются отодвинуться от нее, как будто она стала неприкасаемой. «Неужели я излучаю ненависть? – подумала она. – Или запах, внушающий омерзение? Или от меня можно заразиться неизлечимой болезнью?..»

Напрасно она пыталась анализировать их поведение. Ей самой было знакомо ЭТО. Когда Кен занимался с нею любовью, случалось, что безо всякой причины она вдруг содрогалась и стонала сквозь стиснутые зубы.

Может быть, она испытывала оргазм? Нет.

Отвращение.

Будто гигантский черный паук обхватывал ее во мраке мохнатыми лапами... впрыскивал желудочный сок в ее рот и вагину... внутренности начинали разжижаться, перевариваться, превращаясь в холодную слизь...

Лили передернуло. Что ж, умом она понимала этих женщин. Сердцем – нет. Кен оставил на ней незримое клеймо. Но это не сделало ее супером. Значит, она потеряна. Потеряна до конца своих дней.

Начавшееся вторжение избавило ее от нового наплыва тоски. Внезапность атаки ошеломила митов. На этот раз они имели дело с чем-то абсолютно незнакомым. Некоторые не успели даже испугаться. И, конечно, никто не сумел выбраться из Пещеры через (туннель имени Накаты) запасной выход.

Лили могла только догадываться о том, что происходит по другую сторону металлической двери. Но ее охватило чувство, близкое к панике, когда стальная плита начала ВИБРИРОВАТЬ, издавая низкий гул. Людям из прошлого это отдаленно напомнило бы гудение колокола. Она же в жизни не слышала никаких колоколов, однако генетическая память сыг-

рала с ней злую шутку. Лили захотелось сжаться в комок и закрыть уши ладонями. Ей было очень трудно справиться с собой...

Чей-то ребенок завизжал в полутьме. Лицо Лили искривилось в болезненной гримасе. Высокий визг, сопровождаемый инфразвуком, заставлял ее корчиться, высверливал барабанные перепонки, буром врезался в мозг.

Затем к этим инструментам пытки добавился еще один – не менее омерзительный звук, донесшийся ОТТУДА, из-за двери.

(Если бы Лили знала, какой нестерпимый галдеж стоит в середине птичьей стаи, ей было бы с чем сравнивать. Но она даже НЕ ВИДЕЛА ни одной птицы.)

Пламя свечей заколебалось...

Все заняло каких-нибудь десять-пятнадцать секунд. Несколько мгновений неизвестности, от которой можно было окончательно свихнуться. Лили инстинктивно прижимала к себе детей, понимая, что не может защитить их. На возвращение Кена она уже не надеялась...

Несмотря на хаос в голове, она замечала все – даже то, чего не хотела замечать. Например, ее дети НЕ БОЯЛИСЬ. Они уставились на дверь с жадным любопытством, которое при данных обстоятельствах показалось ей извращенным и жутким. Вероятно, они посчитали происходящее новой игрой, придуманной папочкой для... Для чего же? Для их развития, конечно же. Чтобы познакомить с тем, что МОЖЕТ случиться однажды. Но тогда ему придется показать им смерть...

Эта мысль промелькнула в ее голове, будто горящая бумага, и, рассыпавшись, превратилась в мешанину обрывочных слов. Дрессировка? Черта с два! Больше никто никого не будет дрессировать.

Тем не менее она следила за детьми как замороженная. Старший поднял голову и потянул носом воздух. Затем оскалился. Лили это было знакомо. Однажды мягкость детских черт исчезает, и обнаруживается (морда? маска?) лицо молодого и пока еще глупого хищника...

К тому моменту герметичность была нарушена. Лист легированной стали толщиной в несколько сантиметров ПРОГНУЛСЯ, уплотнитель вылетел с чмокающим звуком и хлестнул кого-то по ногам... Теперь уже визжали все, забившиеся в бетонную кишку, – все, кроме Лили и ее (зверенышей) детей. Люди пятились, сбившись в кучу, вжимались в стены, давили друг друга...

Под дверью образовалась щель, из которой ударили лучи странного лилово-голубого света. Красивое сияние достигло слепящей интенсивности; лучи разбегались веерами, как беззвучные очереди трассирующих пуль, и обжигали ноги...

У Лили уже не было связных мыслей. Она превратилась в сгусток непередаваемых ощущений. Наибольший ужас внушала тишина, установившаяся там, за дверью, в Пещере. Полная тишина. Неестественная даже в мире, где все привыкли к мертвым пространствам и звенящей пустоте. Каким-то невероятным образом Лили могла отделить эту всасывающую и гнетущую тишину от оглушительного стука собственного сердца, какофонии воплей и плача, стонов и шорохов, окружавших ее в бетонной ловушке.

Все защитники мертвы – в этом не могло быть сомнений. Ни волков, ни арбалетчиков, ни Кена... Осталось одно лишь СВЕЖЕЕ НЕЖНОЕ мясо – женское и детское. Входи и бери.

И ОН вошел и взял.

5. Белый призрак

...Что-то – может быть, едва ощутимое покалывание в области позвоночного столба – заставило его обернуться.

Тотчас же он услышал, как завывали его волки. Их вой нагонял тоску. Судя по всему, они были дезориентированы. Пожалуй, это хуже, чем страх. Со страхом четвероногих Кен умел справляться.

Он смотрел на север. Из хаоса взвихренного ветром снега вдруг возникло нечто более определенное – гигантская крылатая тень, казавшаяся тем не менее сотканной из нездешнего света.

Он никогда не видел ничего подобного, даже во сне. ЭТО было совершенно не похоже на летящего ангела смерти – тот воплощал в себе строгую и завершенную геометрию металлического орудия, а тень принимала очертания некоего древнего существа, рудиментарного призрака памяти, – и становилось ясно, что ЛЮБАЯ форма для нее – всего лишь маска.

ОНО приближалось.

Распростертые белые крылья были мертвым роем, состоящим из миллионов остановленных в падении кристаллов льда. И крылья тоже не двигались. ОНО – что бы это ни было на самом деле – парило в сверхъестественном покое, но само его (присутствие) вторжение вызывало ощущение неотвратимо надвигающейся угрозы.

Это было потрясающе красиво... и страшно до холода в кишках. Совсем как в детстве, когда (Кеша) Кен впервые заглянул туда, где обитают истинные хозяева жизни. Сейчас он снова превратился в того мальчика, дрожащего от ужаса, увязшего по самый пах в черном болоте паники. И убийственный холод подбирался к его (будущим детям) яйцам. В то же самое время невидимые пальцы ощупывали лицо, будто изучали его форму...

Очнувшись и сбросив наваждение, он понял, что белый призрак заставил его на несколько секунд вернуться в прошлое. Прежде никто и никогда не проделывал с ним подобного фокуса. Призрак обладал невероятной силой.

И это уже было не знамение.

Это была предопределенность.

6. Враг

...Она стала просто камерой, внутри которой даже не было фотопленки памяти, – только камерой с объективом, фиксирующей происходящее. Поэтому ее парализованный рассудок не расчленил реальность на правдоподобное и невероятное. Все было возможно за гранью, которую митам вскоре пришлось переступить.

По стальной поверхности двери пробежала рябь, как будто металл вдруг превратился в жидкость. На миг дохнуло обжигающим легким жаром, тотчас же сменившимся безжизненным холодным ветром, который был всего лишь результатом всасывания воздуха в образовавшуюся в пространстве каверну. Свечи разом задуло, но тьма так и не наступила – возможно, к несчастью для Лили.

Затем на двери начало формироваться рельефное изображение. Податливый, словно плохо натянутая кожа, лист металла демонстрировал десятки масок, переливающихся друг в друга, пока наконец дверь не раскололась пополам. Засов хрустнул, как сухая доска, и обломки звякнули о стену. В расширяющийся проем хлынул голубой свет – целое море тепла, покоя, чистоты и блаженства...

Они все ощутили ЭТО одновременно. Даже дети перестали плакать. Погруженные в голубое сияние люди вдруг оказались в раю еще при жизни, но кем был дарован этот фальшивый рай? Какая расплата ждала впереди?

И если Лили не могла противостоять ужасу, то этому наваждению она сопротивлялась до конца. Оно было сильнее, чем искушение. Искушение ОБЕЩАЕТ, а тут уже все СВЕРШИЛОСЬ. Голубые лучи ласкали ее кожу, согревали и нежили плоть; внутри зарождалось ощущение чистейшего, небывалого, ничем не омраченного счастья. Она будто вернулась в детство и прижалась к безликой, но бесконечно доброй матери, которая когда-то проводила ее в тяжелый, полный страданий путь, а теперь встречала вернувшееся дитя и вновь принимала в свое лоно...

Лили таяла, теряла свою ОТДЕЛЬНОСТЬ, забывала об отчуждении, сливалась воедино с другими людьми – их души, такие реальные, почти ВИДИМЫЕ в голубом сиянии, которое пронизывало насквозь тяжелые шкуры, оказались рядом, плыли как туманности в межзвездном хороводе. Да, она увидела и звезды – они были прекраснее, чем сами мечты...

Так она, наверное, и ускользнула бы в беспредельность незаметно для самой себя, если бы не Тихая Фрида.

Фрида непонятным образом оказалась в ее руке (может быть, проделав тот же фокус, что и некогда с Барбарой) – и выставила свое злобное острое жало в направлении (матери, источника света, хозяина звезд, бога) ВРАГА. Фрида явилась якорем, удержавшим Лили в этой реальности. Она выпускала простые и старые, как мир, флюиды: «Убей того, кто хочет убить тебя!..»

Лили ненадолго пришла в себя. Впрочем, было уже поздно – по любым меркам, – но она хотя бы провела сознательно свои последние минуты.

В проеме двери появился силуэт – огромный и крылатый, прекрасный и грозный на фоне выжженной дотла Пещеры, он мучительно напоминал ей что-то. Нечто забытое, может быть, химерическое. Явно нездешнее, но с легкостью проникающее куда угодно, во все времена и страны, подчиняющее себе все возрасты и человеческие сны, дарящее защиту безумцам и поэтам под сенью своих крыльев и испаряющее темные омуты кошмаров...

Но затем, по мере приближения, силуэт сжимался, уменьшался в размерах, приобретал очертания, все более похожие на человеческую фигуру. Знакомую ей фигуру...

Наконец ОН вошел через проем.

Точнее, протиснулся – ведь это был очень большой мужчина.

Кен. Но не... Кен.

Его фигура, его лицо. Его движения, его запах, даже ритм его дыхания... Точная, ужасающе точная копия – вплоть до мельчайших шрамов на лице, – но интуиция подсказывала Лили, что это не он. И на сей раз она не отделалась иллюзией – кое-что похуже, чем черный паук, вскоре обнимало ее невидимыми конечностями. ОНО стремилось запутать, сбить с толку, лишить воли к сопротивлению, задушить страхом...

Она закрыла телом детей и выставила перед собой нож. Смехотворная поза, если посмотреть со стороны, но это все, на что Лили была способна в ту минуту.

«Кен» улыбался. Он улыбался широко и дружелюбно. Его клыки блестели. Дети потянулись к нему, но маленькие руки внезапно оказались ей щупальцами, растущими у нее между ног. Она каким-то чудом удержалась от того, чтобы полоснуть по ним лезвием («Фрида, Фрида, проклятая подруга, что ты творишь со мной?!»). Просветление наступило вовремя. Лили убирала жадно тянувшиеся к (отцу) врагу ручки, отмахиваясь ножом от кривой улыбки, которая была страшнее любого клинка.

Потом он сказал:

– Отдай мне щенков.

О, что это был за голос! Способный заставить замолчать хор ангелов и перекрыть самого дьявола. Казалось, он мог загипнотизировать летящие пули... но не мать, защищающую детенышей. Вместо согласия и покорности она сделала шаг вперед и нанесла удар.

И дорого заплатила за это.

Боль взорвалась в ней. Лили зажмурилась от слепящего проблеска бритвы, вспоровшей разом все ее нервы...

Когда она открыла глаза, над ней маячило уже совсем другое лицо – слишком высоко, чтобы она могла до него дотянуться.

Враг был ростом не менее двух с половиной метров, а она обнаружила, что стоит на коленях, зажав в руке Фриду, от которой осталась одна рукоять. Обломок клинка блестел у чужака в зубах. Он выплюнул его, затем протянул мохнатую лапу, схватил Лили за шиворот и отшвырнул в сторону.

Она ударилась о стену всем телом, но не потеряла сознания. Она сползла вниз и с трудом подняла гудящую, налившуюся свинцом голову. Все, кто находился позади нее, – все, кроме ее детей, – (спали, были мертвы) попали в ЕГО поддельный рай. Их лежащие вповалку тела напоминали ей смерзшиеся глыбы пепла. Жизнь оставила их безо всякой видимой причины. Самым ужасным могли показаться серые лица с застывшим на них одинаковым выражением блаженства – если бы Лили еще могла чему-либо ужасаться...

Она скулила, как раненая волчица в разоренном логове, скулила от отчаяния, но ползла. Инстинкт заставлял мать делать это. Ее (щенки) дети... ОН хочет забрать их...

Враг уже поднял ее малышей. Они казались куклами в его руках...

Она схватила его за ногу, когда он сделал шаг, чтобы пройти мимо.

Он мог запросто стряхнуть ее, как тряпку, но вместо этого наступил другой ногой ей на спину.

Она почувствовала страшную, непреодолимую тяжесть, будто ее придавила скала, – ни повернуться, ни вздохнуть. Могильная плита расплющила ее на бетонной поверхности... Потом что-то хрустнуло в основании позвоночника, и Лили поняла, что больше никогда не сможет двигаться.

Голубой свет сменился непроницаемым черным туманом.

И кулак смертельного холода сжался.

7. Опоздавший

Кен опоздал всего на полчаса. Но если бы он опоздал на минуту или на двое суток, это, похоже, ничего не изменило бы. Враг не оставил следов за пределами Пещеры – не считая мертвых волков, глубоких проталин в снегу и потеков РАСТАЯВШЕГО льда. Слой воды еще не успел промерзнуть – под стекловидными наплывами была жидкость. Кое-где из-под сугробов даже показалась черная голая земля и серые пятна асфальта.

Никакого следа – ни свежего, ни остывшего. Никаких признаков «Тропы суперанимала», сохраняющейся в течение нескольких лет... У Кена сосало под ложечкой от того, о чем он мог пока только ДОГАДЫВАТЬСЯ.

Такое впечатление, что супер появился из ниоткуда, совершил стремительное неотразимое нападение и исчез в никуда. Его исчезновение было необъяснимо и убивало надежду отомстить. Ключ к этим «ниоткуда» и «никуда» содержался в недавнем видении, которое посетило Кена в кабине бомбардировщика. Он ошибся, приняв видение за предостережение. К тому времени удар уже был нанесен.

Кен ошибался и в другом. Например, он считал, что оставил Лили и детей под надежной защитой волчьей стаи. Он думал, что надежнее этой охраны – только он сам. Но теперь, когда Рой и Барби жалобно подвывали, будто оплакивали своих погибших собратьев, он понял: ему тоже предстоит пережить боль, которая опустошит сердце.

Возвращаясь, Кен готовился к худшему, и худшее ожидало его – свершившееся и непоправимое.

Он бросил беглый взгляд на трупы волков, лежавших на подступах к Пещере, – некоторые были сожжены, другие растерзаны, третьи задушены. Двое лежали со свернутыми шеями. Учитывая, что звери достигали в холке роста среднего мита, Кен получил некоторое представление о физической силе противника.

Вход в Пещеру изменился до неузнаваемости. От баррикады вообще ничего не осталось; от большинства арбалетчиков – тоже. Очаг погас, словно был затоптан огромным сапогом, зато под сводами до сих пор блуждали призрачные голубоватые огни. Часть перегородок между жилыми помещениями была снесена, и образовался хорошо заметный проход, по обе стороны которого валялись кучи оплавленного мусора. Супер не утруждал себя поисками коридоров и двигался к цели напрямик. Кен знал (знал!), что было этой целью.

Он уже ощущал ЕГО силу. Истинную силу, а не растраченную энергию мышц и переваренной в желудке пищи. Она проявляла себя как вязкая, липкая, сковывающая движения тень за спиной, которую нельзя увидеть и от которой нельзя просто избавиться. Она проникла и ВОВНУТРЬ – тогда ему начинало казаться, что он таскает под своей кожей и на своем горбу большую старуху. Таскает сейчас и обречен таскать до конца своих дней. Это удел всех проклятых. Всех, кто обнаружил свою уязвимость. Всех, кто позволил врагу нанести удар первым. Всех, чья линия кровного родства была насильно прервана... Старуха уже не слезет; она будет медленно заражать его клетки, отравлять его кровь, красть его дыхание, убивать его сперму, жрать по кусочкам его печень...

Он даже стал хуже видеть, словно что-то влияло на зрение. Он приближался к тому месту, где найдет ИХ трупы... Либо не найдет ничего.

И он действительно не знал, что страшнее.

Оплавленная дверь тускло блестела в темноте, словно сломанная пополам монета. И на этой монете осталось рельефное изображение – морда существа, которого Кен никогда не видел. Или все-таки видел совсем недавно?.. Нет, облик крылатого белого призрака был неразличим.

Суггесторы, хранившие документальные свидетельства прошлого, когда-то рассказывали Кену, что в первые дни после войны неподалеку от эпицентра взрыва можно было увидеть тени на асфальте, оставшиеся от испарившихся людей. Только тени – и ничего больше.

По крайней мере, он убедился, что это правда.

Но один вопрос тем не менее остался: почему неизвестный супер не прикончил и его?

* * *

...Она пришла в себя, как только он начал перекачивать в нее витальную энергию. Впрочем, он быстро понял, что это ее не спасет. Она была словно пробитый мех, который он тщетно пытался наполнить воздухом: дырявая оболочка утратила форму и уже не всплывет.

Энергии хватило лишь на то, чтобы отсрочить агонию. Лили, раздавленная в буквальном смысле слова, лежала лицом вниз, и он не стал переворачивать ее, чтобы не убить сразу. Вместо этого он лег рядом с ней, прямо в лужу ее густеющей крови, и слушал ее предсмертный шепот.

Он гладил свою Лили, молча глотая горькие ранящие слитки слов, исторгнутых ее тускнеющим сознанием... Бредила ли она? Для него это не имело значения. Бред и явь равно претендовали на истинность – на каком-то из уровней реальности ВСЕ становилось чьей-то гигантской галлюцинацией... Он просто впустил в себя Лили – такую, какой она была в эти последние минуты, – и не мог сделать для нее большего. Она поселилась в его памяти и стала частью его души...

Она шептала: «Дракон... Помнишь, я рассказывала тебе?... Огонь... Крылья... Дракон...»

Да, он помнил те долгие часы у костра, те прекрасные сказки юной девушки, жаждавшей приукрасить нестерпимую жизнь. И хотя ей казалось, что все минуло бесследно и старания были напрасными, он знал, что без тех сказок, без той книги и без того цветка не было бы сегодняшнего Кена, не было бы победы над Локи, над Мортимером, и не было бы двух десятилетий жизни, которую они выпили как драгоценную жидкость – бережными глотками, по одному глотку в день. Семь тысяч дней, отделенных друг от друга безвременными лакунами снов. И еще любовь, и рождение детей, и общие воспоминания, и тепло тел, и могила Лео, и книга, перечитываемая снова и снова...

Дьявол, теперь даже не верилось, что ему удалось вырвать у смертельной ледяной ночи так много!

* * *

Сердце Лили перестало биться одновременно с маленьким сердцем Фриды, зажатым в ее кулаке.

8. Накса

Получив пулю в грудь, Накса криво улыбнулась и подумала: «Твою мать, везде одно и то же!»

(Ее действительно встречали так негостеприимно почти во всех колониях, к которым она приближалась. Обязательно находился кретин, желавший проверить, насколько она уязвима. И взять у нее урок на всю оставшуюся жизнь. Слишком короткую жизнь – о да, с этим Накса была согласна.

Возможно, ее «слабый» пол служил дополнительным раздражителем для самцов. Они не верили, что она в одиночку делает то, на что они не способны.)

...Покачнувшись от удара, она выровнялась и выковыряла горячую пулю длинным когтем, отросшим на мизинце. Бросила быстрый взгляд на расплющенный, потерявший форму кусок свинца. Сойдет, чтобы отлить новую пулю для Рэппера. Или дробь для Обрезанного Иуды...

Между тем колонисты продолжали палить. Накса не полезла напролом и предпочла укрыться среди руин. У нее еще было время. Дракон приказал ей явиться сюда к исходу третьих суток. До назначенного срока оставалось больше восьми часов. Она могла подождать, пока тупицы впустую растрачивают боезапас. Но зато потом ее никто не остановит. Никто, кроме... другого супера. Впрочем, вероятность наткнуться на Свободного в этом захолустье была чрезвычайно мала.

В развалинах Накса чувствовала себя великолепно. Она родилась в одном из таких обледеленых лабиринтов; это была ее стихия. Она повсюду прекрасно ориентировалась, но в постурбанах могла дать сто очков вперед любому, кто рискнул бы сыграть с нею в прятки «на вылет». Те, которые все же рискнули, давно валялись подо льдом. Кое-кто из сугтов болтал, что она видит сквозь стены. Накса не опровергала этих слухов. Дракон говорил ей: «Пусть слава опережает тебя и делает половину дела».

Она двигалась вдоль оборонительной линии, вычисляя слабые места. Лабиринт – это готовая засада и готовое укрытие. Все зависит от того, кто ты: хищник или жертва. Она почувствовала себя хищницей очень рано, лет в восемь. А потом нашла себе прекрасного учителя. Или, как она поняла гораздо позже, тот нашел ее.

Накса могла бы пойти и дальше, но, к сожалению, оказалась бесплодной. Она смирилась со второстепенной ролью, осознав, что любой вклад в реализацию Программы имеет свою цену. И даже у бесплодия была своя удобная сторона: Накса трахалась когда угодно и где угодно без последствий. О ее способностях к этому занятию тоже ходили легенды. Обычно ее партнерами были Свободные. За нею оставалось право соглашаться или нет (если, конечно, речь не шла о желаниях Дракона). Редкий суггестор мог удовлетворить ее. И, конечно, она никогда не пробовала в этой роли митов. На этот счет у нее существовал внутренний запрет – секс с митами казался ей чем-то вроде зоофилии.

Преданное служение Дракону не вступало в противоречие с ее идеалом свободы. Она была абсолютно свободна в выборе своей «религии», и когда Дракон явил ей одно из своих воплощений (а их у него было множество), Накса с радостью пошла по указанному им пути. Она, безусловно, не надеялась добраться до конечной станции (у нее хватило ума понять, что конечная станция вполне может оказаться миражом), однако само движение обретало единственный смысл в бессмысленной Вселенной. Движение означало эволюцию, а эволюция работала на Программу.

Накса не часто задумывалась над этим. Интимные проблемы остались в прошлом, а в настоящем чаще всего были холодный ветер, горячий свинец, редкие встречи с себе подобными и долгие переходы в одиночестве – а когда впереди наконец возникало жилье, она

натыкалась на кретинов, которые не хотели ДЕЛИТЬСЯ. И тогда их уговаривал Обрезанный Иуда.

Она переокрестила свой дробовик четыре года назад. И если с первой частью имени все было ясно, то вторая вызывала недоумение у суггесторов, лишенных, как правило, чувства юмора (иногда ей казалось, что они просто БОЯТСЯ его иметь). Суггесторы не могли знать, что однажды дробовик подвел ее. Очень сильно подвел. И хотя скорее всего дело было в негодном патроне, Накса считала, что у ее двуствольного парня скверный характер. Его капризы стоили ей пробитого легкого, сломанных ребер и двух месяцев, вырванных из жизни. Черт с ними, с ребрами, – все срослось отлично! Только потраченное впустую время было невосполнимо и потому не имело цены...

* * *

Спустя пару часов, обогнув юго-восточную окраину колонии, она поняла, что и на этот раз для Иуды найдется работенка. Ну почему, почему эти тупицы так спешили умереть? Одного из стрелков она сняла, проделав для разминки фокус, которому ее научил Дракон. Фокус назывался «Белый револьвер». Немного скольжения, немного теней, небольшой (для супера) перепад давления – а когда из снежного вихря внезапно высовывался ствол, было уже поздно. Последнее, что видел ошарашенный мит, – это вспышку в центре бешено вертящегося белого пятна...

Кажется, колонисты уже поняли, с кем имеют дело. Они затихли и выжидали...

Накса не понимала, почему Дракон назначил встречу в этой дыре, но пути ЕГО неисповедимы, а ее долг – следовать за ним. В противном случае ей не хватило бы и трех жизней, чтобы преодолеть множество внутренних и внешних преград. Молиться? Она была не настолько сентиментальна. Она предпочитала слушать, как «проповедует» Рэппер.

К исходу седьмого часа она достигла Южных ворот, дважды предоставив слово Иуде. Сегодня тот был в хорошем настроении и высказался обоими стволами «за». Суггесторы, дежурившие на входе, оказались чуть умнее митов, которых обычно подставляли под пули, отправляя в наружный караул, и предпочли договориться по-хорошему.

Получив от них заверения в полной безопасности и потребительскую карту с неограниченным балансом, которая была просто-напросто «цивилизованной» формой взимания дани, Накса вошла в колонию.

9. Курица

Теперь он выяснил, что никакие потери его не сломят. И не остановят. Кен вдруг осознал, что с раннего возраста был готов к смертям, утратам, всей этой жестокости – не звериной и не человеческой; это была специфическая, непонятная митам и суггесторам жестокость суперанималов.

Теперь он просто платил по счетам. Чьим? Возможно, это были неоплаченные долги его прямых предков. Во всяком случае, он не бился в истерике и не проклинал какого-то там «бога». Он закупорил свою адскую боль, как яд в бутылке, закупорил и спрятал глубоко внутри – чтобы открыть сосуд боли когда-нибудь, в нужный момент, и влить отраву в глотку врагу. А если не получится, если месть не осуществится, то отрава замерзнет во льду вместе с его никчемным дохлым телом... Не иметь ад где-то в будущем, в отдаленной перспективе, а носить его в себе – это избавляло от еще одной зависимости.

Таким образом, причина и стимул жизни были в нем самом, а не в ком-то из близких людей; но там же хранился и «ключ» от аварийного выхода. И хотя он знал, что никогда им не воспользуется, это означало наличие выбора и делало его по-настоящему свободным существом.

* * *

Несмотря на свою молодость, он совершил уже два одиночных путешествия на восток и на юг. В первом случае это была проверка на зрелость, которую он устроил себе сам; во втором – жизненная необходимость. И вот теперь пора было снова отправляться в путь.

Он похоронил Лили, как хоронят суперов – лицом вверх, с открытыми глазами и с оружием. Рукоять сломанного ножа осталась зажатой в ее кулаке... Вначале он хотел положить в ледяную могилу еще один ее смехотворный фетиш, но затем, повинуясь внезапному порыву, спрятал книгу в свой вещевой мешок.

Книжонка была чем-то вроде приглашения к сентиментальной прогулке в прошлое. Раньше он думал, что не может себе этого позволить. Но теперь понял, что позволит себе все. Никакое чувство уже не ослабит его и не застанет врасплох. Даже любовь.

...Он выдалбливал нишу в ледяном панцире. Он работал размеренно и отрешенно. Формула «время лечит» была неплохим утешением для митов, но не для того, кто постиг относительность времени. И Кен хотел бы знать, какова смертельная доза этого сомнительного «лекарства»...

Пещера (родина) была уничтожена. Он осознавал, что уходит отсюда навсегда. Дорога длиною в жизнь – теперь это выражение приобрело для него буквальный смысл. Можно было выбрать любое направление. Но, закончив с похоронами, Кен решил на всякий случай СПРОСИТЬ. Напоследок. Еще раз испытать Локи со всей его призрачной шайкой, которая вполне годилась для того, чтобы называться Испорченным Оракулом.

* * *

В месте падения бомбардировщика по-прежнему находился концентратор СИЛЫ, но по неизвестной причине СИЛА посылала искаженные видения. Не исключено, что однажды сюда доберется какой-нибудь сугг с воображением, – и если он выживет, непременно появится новая легенда. Об источнике кошмаров. О могиле миражей. О демоне, плавающем лед и металл. О проклятии Локи, погубившем целую колонию.

Суггесторы испытывали детскую потребность навешивать ярлыки. Они залепляли реальность этими ярлыками, а потом, слепо тыкаясь в них мордочками, удивленно вопрошали: «Где я? Что это? Почему ОНО меня убивает?..»

Кен ни на секунду не задумался, как назвать то, что он увидел на замерзшей реке. Лишь черная радость вспыхнула в нем и тут же погасла, когда он понял, что это не враг.

Локи стоял возле бомбардировщика, и поджидал его. Не призрак, но и не живое существо. Кен не стал лезть в кабину, чтобы посмотреть, лежит ли там труп. Он просто принял как неизбежность новые правила смертельной игры.

Мертвец тускло светился во мраке. Это был чужой, отраженный свет, падавший сквозь дыру в пространстве, которая вдруг открылась, будто старая рана. Где-то существовало магическое зеркало, иногда (на секунду, на час или только на один сон) возвращавшее теням форму, а ушедшим – память... Сгущаясь, тени обретали плоть. Луна мертвых, незримая для живых, восходила над призрачным горизонтом...

Кен смотрел на Локи, не отводя взгляда и не мигая. Он понимал, что может отменить эту встречу в любой момент. Но кто поступит так, когда кошмары УМОЛЯЮТ?

Локи молчал, однако его вид говорил о многом. Он выглядел так, как и должен выглядеть Локи Одноглазый, которого ненадолго выпустили из ада погулять. Локи-неудачник, Локи Проигравший, Локи, Которого Прикончила Шлюха...

Рой и Барби с глухим рычанием двинулись вперед. Кен приказал им остановиться – сигналом был резкий выдох сквозь стиснутые зубы.

ЭТОТ Локи уже не был опасен ни для кого, кроме разве что собственной Тени. Кен начал медленно приближаться к нему. Рана, зиявшая на месте одного глаза, притягивала к себе взгляд. Теперь в глубине этой уродливой воронки блестело что-то. Чей-то зрачок. Но не Локи.

Внезапно Кен понял, что имеет дело с Поднятым.

Раньше он слышал об этом от суггесторов. Как выяснилось, не все легенды оказываются лживыми выдумками... Зато он знал, что предпринять в подобном случае. Существовал единственный способ остановить Поднятого.

Кен потянулся за Секачом, чтобы отрезать Локи голову. Он сделал бы это без малейших колебаний. Он считал своим долгом оказать учителю последнюю услугу...

Но тут Локи засмеялся.

От этого смеха шерсть на загривке у Кена встала дыбом. Он почувствовал, что настоящая пытка начинается там, куда никому не дано заглянуть при жизни. Локи остался верен себе – он на свой манер издевался над самонадеянностью ученика...

Кен убрал Секач и повернулся, чтобы уйти. Но это был еще не последний урок.

Спустя минуту он впервые в жизни услышал, как хлопают крылья. Он оглянулся. Вокруг Локи беспорядочно металась черная птица, у которой была отрублена голова. Она бегала по насту, разбрызгивая кровь. Кен не мог понять, откуда она взялась.

Жирная, уродливая, с короткими крыльями... Птица вполне подходила по внешнему виду под описание курицы.

Локи смотрел на Кена с невыразимой улыбкой. Так смотрят в зеркало старики, читая в отражении беспощадный приговор и слишком поздно узнавая о себе все то, чего уже нельзя изменить или исправить.

А Кен наблюдал за курицей. Из ее шеи торчала горящая свеча, которая не гасла, несмотря на сильные порывы ветра и хаотические броски самой птицы. Это уже смахивало на неприкрытое глумление. Но и символы были очевидны: крылатая тварь, не умеющая летать (что может быть противоестественнее?), и свеча, освещающая путь (но кому?!).

Локи не случайно ухмылялся – действительно, разве это не смешно?.. Чего-то не хватало в его наборе. Ну да – самой отрубленной головы. Заслуживало внимания также то обстоятельство, что когда-то курица считалась ДОМАШНЕЙ птицей.

Вся эта нелепая сцена выглядела как неудавшееся жертвоприношение, игра дебильного ребенка. Кроме того, агония казалась чересчур долгой...

Наконец курица умчалась на северо-восток и скрылась из виду. Локи даже не посмотрел ей вслед. Его единственный затянутый мутной пленкой глаз был направлен на живого супера. Но был еще один глаз – не его. Кен ощущал чужой взгляд почти как прикосновение...

– Найди свою голову, – сказал Локи свистящим шепотом, после чего повернулся и направился к бомбардировщику.

* * *

Кен шел на северо-восток. Рой и Барби тащили нарты, в которые было загружено все необходимое для дальнего пути. Выбрав направление, Кен не собирался отклоняться от него без весомых причин.

На небе по-прежнему не было видно звезд. Магнитный «компас» в мозгу у Кена служил исправно. И все же именно проклятие стало его путеводной звездой.

10. Z-11

Да, он любил горячую кровь, как другие любят холодную водку, – ну и что? Разве это повод называть его кровожадным зверем? К тому же он никогда не пил кровь живых или испорченное адреналином пойло жертв, успевших испытать смертельный страх. Он не пугал и не подвергал бессмысленным пыткам. Он просто выполнял свою работу. Однако кличка «Вампир» приклеилась к нему навсегда.

В реестрах, составленных супраменталами, он получил кодовое обозначение Z-11, но только настоятель Обители Полуночного Солнца, двое монахов в статусе Карателя и Убийцы боли, а также женщина-кормилица из Медвежьего стана знали, кем он является на самом деле.

Долгие годы супраменталы готовили своего агента для борьбы с теми, кого они считали монстрами, и вырастили... монстра. Впрочем, у них не было альтернативы. Все другие способы не оправдывали себя и обходились слишком дорого. Три, четыре, а то и десяток жизней за жизнь одного супера – такая цена казалась непомерно высокой даже неисправимым идеалистам.

У Вампира были шансы продержаться дольше остальных, и он блестяще их использовал. Выпущенный в мир, словно в лабиринт, населенный одичавшими псами, он отвоевал себе жизненное пространство. Он подвергся супраментальному воздействию еще во внутриутробный период и перенес несколько сотен гипносеансов на протяжении первых семи лет жизни. Направленная мутация плюс измененное сознание – в результате он превратился в весьма совершенное запрограммированное оружие. При этом программа, сформированная одновременно с глубинным личностным ядром, не могла быть обнаружена никаким сканированием. На втором и третьем уровнях он оставался неуязвимым. На специфическом жаргоне Обители это называлось «не отбрасывать Тени». В каком-то смысле он действительно напоминал неодушевленную вещь...

Настоятель Обители Полуночного Солнца считал Z-11 своим шедевром, но иногда (со временем все чаще) ему казалось, что он потерял чувство реальности и совершил непоправимую ошибку, создав дрессированного дьявола.

* * *

...Он поднес ко рту окровавленную Хлеборезку и облизал пламенеющий клинок. Плохая, отравленная кровь. Он не стал больше пить.

Вампир посмотрел на Z-29, скорчившегося возле его ног. Эта гора мертвого мяса уже ни на что не годилась. Вампир мог бы прикончить суперанимала трижды, причем первый раз – на расстоянии пятидесяти километров, когда засек точное местонахождение очередного объекта своей охоты, длившейся годами практически без перерывов. Но он предпочитал «близкие контакты». Вероятно, это было заложено в его личной программе. Одно из тех побуждений, которых он даже не осознавал...

Дуэль состоялась спустя сутки и не принесла Вампиру удовлетворения. Все закончилось слишком быстро. Проблем не возникло. Вампир ожидал большего от Z-29. Разочарованный результатом, он пренебрег правилами Ритуального Кодекса и не стал укладывать супера в лед. Он бросил труп на поверхности – на радость пожирателям падали. Где-то рядом бродил дегро; Вампир улавливал его присутствие. Жалкая тварь находилась не дальше нескольких сотен метров.

Дегро пожирают мертвых суперов. Разве это не символично? По мнению Вампира, суперанималы из третьего десятка и не заслуживали лучшей участи. Кроме того, сейчас не было необходимости маскироваться, следуя нелепому Кодексу, который в свою очередь был целиком подчинен Программе. Вампир не только убивал – он прерывал передачу эстафеты. Разрушение «троицы» оказалось едва ли не более важной задачей, чем физическое устранение супера.

До ближайшего стана было пять суток пути. Этот идиот Z-29 сам загнал себя в ловушку площадью несколько тысяч квадратных километров. Пустыня... Что может быть проще, чем охота в пустыне? За последний год Вампир уничтожил четверых. Но все они были сравнительно легкой добычей. А вот другие...

Ему до сих пор не удавалось выйти на главных противников. Дракон, Ураган, Джампер, Ханна... Эти имена мерцали в его темном сознании, как далекие маяки, до которых еще плыть и плыть... или как звезды, до которых ему никогда не добраться. Произнесенные вслух, имена вызвали ответную вибрацию в его теле. Вечные раздражители. На этих существах были сфокусированы его истинные устремления. К ним тянулись силовые линии, вдоль которых он принужден двигаться всю свою жизнь. А может быть, и после смерти – если правда то, что супраменталы используют Поднятых.

Вампир уже успел приобрести дурную славу – достаточную для того, чтобы непосвященные в замысел настоящего супраменталы начали охоту на него самого. И это уже не называлось прикрытием. Он понимал, что рано или поздно ему придется убивать тех, кому он служил. Нити его предопределенной судьбы сплетались в немыслимый узел. Раздираемый противоречиями, он все чаще терял контроль над собой. Но даже в пучине безумия существовали течения, которые заставляли его двигаться в поисках врага...

Покончив с Z-29, Вампир вытер нож и осмотрел оружие мертвеца. Огнестрельные хлопья оказались изношенными и не представляли для него интереса. Он взял себе патроны, машинку для заправки пуль и кожаные ремни. Само собой, ему пригодилась упряжка, а также недельный запас мяса.

Направление дальнейшего движения не пришлось выбирать долго. Что-то влекло Вампира на северо-восток, и он подчинился невнятному зову.

11. Мачеха

Местные называли свою помойку Северной Столицей. Смех, да и только! Накса, повидавшая Великие Постурбаны юга, снисходительно ухмылялась, слушая дешевую похвальбу пьяненького сугга, подсевшего к ней в одном из баров на Литейном проспекте.

Поблизости было полно мастерских, где отливали пули, дробь и делали примитивные патроны. Накса даже не глядела в сторону этих ублюдочных оружейных. Но зато и питейных заведений хватало. Она бесплатно пила лучшую довоенную водку.

Вначале ей показалось, что сугг попросту клеит ее. Потом она почуяла, что он не так уж сильно пьян. Она «поиграла» с ним – легонько, чтобы у парня не появилось глюков. Спустя несколько минут Накса уже знала, что это связной Дракона. Тогда зачем нужна была дурацкая клоунада?!

Она выволокла сугга наружу и ткнула мордой в снег, чтобы немного остыл. После такого компресса тот мгновенно протрезвел и вполне связно доложил, как найти ночлежку под названием «Астория», где для Наксы уже был забронирован номер.

Она немного смягчилась. Ясное дело, сугг хотел пустить ей пыль в глаза. С мужичиной-супером он вел бы себя иначе, но в любом случае это были маленькие хитрости пса, выпрашивающего кость. И она бросила ему кость – даже шавки иногда приносят пользу.

Суггестора звали Лось. Он был не так глуп, как казалось на первый взгляд. Впрочем, в способности Дракона подбирать слуг она никогда не сомневалась. Сейчас ей нужна была живая игрушка – и она ее получила.

Поскольку Накса опережала график на несколько часов, она решила немного поразвлечься. Напиваться в компании Лося оказалось удовольствием ниже среднего, хоть тот и знал кучу анекдотов про митов. О том, чтобы поваляться с мужиком из Свободных, нечего было и мечтать. Лось, правда, предлагал свои скромные услуги, но быстро сник, как только Накса стиснула в кулаке его жалкое хозяйство.

Она не сделала его кастратом, но все-таки услышала в тот вечер ангельские голоса евнухов. Отвергнув очередную идею Лося заглянуть в публичный дом для женщин, она согласилась посетить здешний «театр». Вообще-то, Накса неплохо разбиралась в играх со сдвинутой реальностью. Дракон иногда крутил для нее такое «кино», что дух захватывало, но поглядеть на кривляние митов тоже было забавно.

Как и следовало ожидать, в ложе для суперов Накса оказалась в одиночестве. Она развалилась на мягком, устланном шкурами диване и позволила себе немного расслабиться.

В зал набилось несколько десятков митов. В ее сторону поглядывали с осторожным любопытством. Очевидно, о появлении супер-а знала уже вся колония. Накса подозревала, что это не очень понравится Дракону. Тот обычно действовал скрытно, но если раскрывался, то не оставалось никого, кто мог бы рассказать об этом.

Началась пьеска, оказавшаяся римейком допотопного фильма. Суть ее сводилась к тому, что супер с идиотским кодовым именем Т-1000 охотился за мальчишкой Коннором, а того защищал другой супер, которого играл здоровенный детина с тупой рожей. Звуковые эффекты создавал за сценой хор евнухоидов. Они же заоблачно подвывали в душещипательных эпизодах.

Все это было, конечно, несусветной чепухой, но по ходу пьески, разыгрываемой среди настоящих развалин, выяснялось, что Т-1000 перемещен во времени, а также умеет превращаться в кого угодно и во что угодно. Реализовывалось это до смешного просто: актеришка напяливал различные маски, но иногда вместо него появлялись другие, игравшие прежде убитых им персонажей.

В какой-то момент Накса даже перестала зевать. Она почуяла за всем этим дешевым балаганом Тень Дракона. Метаморфозы, стирание грани между настоящим и будущим, проникновение в недоступные области мира – вот что завораживало митов, да и не только их. У Наксы холодело в груди, когда она видела шлейф (только шлейф!) превращений Дракона. А ведь это все равно что следить за призраком или слышать затухающее эхо подлинного звука...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.